

СУББОТНИЕ ОБЗОРЕНИЯ

1

СОВРЕМЕННЫЙ театр нередко обращается к прошлому, для того, чтобы лучше познать настоящее. Авторам жизненно и творчески необходимо пережить (именно пережить, а не только «изучить») историю. Иначе просто не стоит выходить на сцену. Дивные картины из учебных хрестоматий никого не способны возволновать. О революции в широком нравственном и социальном смысле слова, о новом типе человека, воспитанном революцией, можно и нужно говорить вместе с ней, на ее благородном языке. Как когда-то говорили Ноддинг, Видневский, Мейерхольд и Шуккин, Станиславский и Хмелев. Там же страстно, убежденно, честно и чисто.

..Сталя «Поднятую цепь» Шоддохова. Тевостогов как бы внутренне объединил роман с другими лучшими произведениями современной советской литературы, посвященными прошлому и настоящему русской деревни. Со стихами Твардовского, очерками Дороша и Овечкина, рассказами Шукшина, повестями Залыгина. Он старался выявить в «Поднятой цепи» правду времени и историческую перспективу. Его интересовали социальный драматизм ситуаций и внутренняя противоречивость человеческих характеров.

..Убив кулацкого сына Тимошку Рвалогр, Нагульнов (П. Луспенев) долго и бездельно разглядывал свои руки. Ему было неприятно, тошно, стыдно. Отвернувшись от Лужи, опустив голову, он тихо, странно разделяя слова, говорил ей: «Ида... Я... там... застрелен Тимофей...»

Помнится, на протяжении всего спектакля Нагульнов только раз счастливо улыбается — в сцене партсобрания, когда в ряды гремячейской ячейки вступают новые члены, лучшие колхозники. Это для Нагульнова личная радость.

Спектакль Большого драматического театра прежде всего о человеческой истинности, не выходящейся в узкие рамки догм, схем и предписаний. О чистой, безграничной, самоотверженной вере в полное торжество мировой коммуны, в победу народного, общего над личным, частным. И о сложном, мучительном, порой трагическом процессе рождения новой нравственности, новой человеческой психологии.

С высоты сегодняшнего дня жестокий максимализм Нагульнова, безусловно, подлежит осуждению. Но театр, актер, и в чем не оправдывая шолоховского героя, подошла к нему объективно, исторически. У него был жестокий максимализм, но прежде всего по отношению к себе. Нагульнов — Луспенев жил только для общего дела. Иной жизни не знал и не хотел.

Совершенно очевидно, что Николай Островский, каким он был в действительности и каким его воспринимал и пережил в спектакле Театра имени Ленинского комсомола «Девятая симфония» актер Р. Катавский, страстно спорил бы с Нагульновым по многим поводам.

..Но два люди одной «группы крови». Горький, воинственный, непримиримый.

Катавский играет трагедию Островского очень лично. Кажется, до нервного напряжения, физической боли.

Как-то Горький, прослушав стихи тогда молодого, начинающего поэта Владимира Луговского, сказал ему: «А вы думаете, что единственное неуязвимое, неодолимое чувство есть радость? Жизнеутверждающих чувств много: горе и преодоление горя, страдание и преодоление страдания, преодоление трагедии, преодоление смерти...»

Нет нужды говорить о том, что сама жизнь Николая Островского — высочайший пример преодоления горя, страдания, смерти. Важно только подчеркнуть, что трагедия преодолевается в непрерывном труде, постоянной заботе об окружающих, в беспощадной борьбе со злом и несправедливостью. Именно на это делает акцент Катавский. И именно в этом современный пафос его работы.

Герой трилогии Ю. Германа врач Владимир Устименко воспитывался на примерах Островского и Шолохова. Молодой актер А. Пустохин — Устименко в спектакле Театра имени Ленинского

ОНИ ОТВЕЧАЮТ ЗА ВСЕ

..«Я отвечаю за все», молвила просто говоря по крайней мере лет на двадцать.

Но его Устименко фанатической преданностью делу, суровой требовательностью к людям, организаторской непримиримостью к неправде удивительно близок героям «Поднятой цепи» и «Девятой симфонии». Некоторые из тех, кто окружает Устименку, предпочитают онять с себя ответственность в большом и в малом. Философия «дытала»: «Не высывайся», «Не лезь на рожи», «Выше головы не прыгнешь», Устименко — Пустохин таких слов просто не понимает. Он все время «высывается», как будто нарочно «лест на рожи». А вернее говоря, всегда и всегда действует так, как подсказывает ему гражданская совесть.

После «революционной лая» «Поднятой цепи», митингового гула «Девятой симфонии» и острых словесных поединков «Я отвечаю за все» кажется внешне обидным действие многих других спектаклей о современности. Но в них, если смотреть не сути, разговор идет о том же — о главном в человеческой жизни. «Кто за, кто против» (Театр имени Комиссаржевской), «Прощу слова» (Театр имени Ленинского комсомола), «Тренировка» (ТЮЗ) — герои этих спектаклей твердо стоят на земле. Они меряют жизнь самыми высокими мерами. Идеалистами и чуждались себя вовсе не считают. Так их называют обыватели, меценаты, живущие в двух измерениях: собственного благополучия и привычных представлений.

Горько, спорят между собой герои спектакля Большого драматического театра «Традиционный сбор» В. Розана. На старой классной доске они выставляют себе отметки... за жизнь. Потом отметки меняются. Вот, к примеру, профессор химии Илья Тараканов. Пятерка — вначале, чуть ли не единка — в конце. Театр предупреждает от односплошных, однозначных, скоропалительных ответов.

«Порядочный человек» — это уже составляющий человек», — говорит верой пьесы Сергей Усов. Иными словами, уже личность, боец, работник. Независимо от места, которое он занимает.

И сегодня личность человека окружающие его настоящие люди продолжают измерять теми же самыми нравственными категориями, которые дала обществу революция.

ТЕАТР сегодня спрашивает нас именем революции. И каждый должен ответить не только за себя и свое дело, но и за все, происходящее на земле...

Э. КАПИТАЙКИН